

Альберт Байбурин

Юрий Михайлович Лотман

Я учился в Тарту с 1966 по 1972 г. Еще до поступления в Тартуский университет мне было известно, что на кафедре русской литературы преподает Юрий Михайлович Лотман. О нем говорили как об известном литературоведе, но не только. Имя Лотмана уже тогда стало ассоциироваться с новой областью научного знания – семиотикой, предмет которой составляли всевозможные знаки и знаковые системы. При этом следует учесть, что слово *семиотика* выговаривалось в те времена с особой интонацией, как нечто полузапретное (да так оно и было) и этот флер потаенности распространялся и на Лотмана, поскольку он считался одним из основателей семиотики в СССР.

В моем воображении он представлялся почему-то высоким, строгим и в очках. Увидев его впервые, я был поражен почти стопроцентным несовпадением. Юрий Михайлович (или Юрмих, как его звали все студенты и знакомые), оказался невысоким (чтобы не сказать маленьким), но очень элегантным человеком с буйной шевелюрой, резкими, но пластичными движениями и живыми, порой грустными глазами. Одет он был всегда в темный костюм с белой сорочкой и непременно с галстуком. Может быть поэтому он производил на студентов впечатление педантичного и строгого человека (хоть что-то совпало с моим гипотетическим образом).

Юрий Михайлович читал нам лекции по истории литературы, начиная с древнерусской (т.е. с самого начала) и вплоть до второй половины XIX века (обычно заканчивал Н.Гоголем). Все остальные преподаватели кафедры читали лекции по кусочкам оставшегося на их долю века. Ежедневная лекционная нагрузка у него была фантастической (сейчас я это хорошо понимаю). Начинал он сразу после звонка и заканчивал вместе с ним, договорив фразу до конца, но не более. Следующую лекцию он начинал именно с этой фразы. И ни разу не сбился. Слушать его лекции было истинным удовольствием, поскольку он никогда не пересказывал сюжеты, а старался воспроизвести культурный контекст, быт и литературные нравы той эпохи, о которой шла речь. В этом контексте «темные места» «Слова о полку Игореве», маловразумительные вирши Третьяковского и казалось бы, хорошо известные строчки «Евгения Онегина» приобретали совершенно новый, непривычный смысл. Лотман

никогда не читал по писаному. Именно рассказывал, расхаживая в такт своим фразам перед кафедрой. Как это ни странно, его заикание не только не мешало восприятию лекции, но помогало расставить смысловые акценты в каждой фразе. Более того, оно воспринималось как фирменный стиль, и не случайно многие посетители Тарту после общения с Лотманом начинали заикаться, явно подражая Юрмиху. Каждая лекция – маленький шедевр. Не случайно, некоторые студенты старались правдами и неправдами получить академический отпуск (т.е. фактически остаться на второй год), чтобы еще раз послушать лекции Юрия Михайловича.

И при этой сумасшедшей преподавательской нагрузке – собственно научная работа, статьи и книги по истории литературы и семиотике культуры. Литературоведческие работы Юрия Михайловича вошли в золотой фонд науки. Сложнее оценивать семиотическое направление его деятельности. Не каждому создателю нового научного направления удастся пережить все этапы: эйфорию начала, когда казалось, что найден волшебный ключик если не ко всему, то к наиболее существенному в человеческой культуре; взрыв идей на пике и мучительные сомнения в конце. Но Юрий Михайлович прекрасно понимал, что без семиотики не было бы дальнейшего движения, а значит, все было не напрасным. Кроме того, самому Лотману семиотика дала возможность пойти дальше, выйти на совершенно новый уровень осмысления культуры. В этом смысле можно сказать, что для Лотмана семиотика стала трамплином в новое неизведанное. Именно об этом и говорят его исследования последних лет, в которых и традиционные литературоведческие сюжеты приобрели новое качество.

Последний раз я видел Юрия Михайловича за несколько лет до смерти. Тяжелая болезнь уже тогда доставляла постоянные мучения, но глаза оставались прежними, особенно когда в них вспыхивали искорки того заразительного смеха, которым мог смеяться только Юрмих.